

Дворником будешь!

Родителям кажется, что если нарисовать ребенку перспективу поужаснее – он встрепенется, ужаснется и начнет делать все, чтобы эта страшная реальность никогда не наступила. Он будет как следует заправлять кровать, убирать в своей комнате, учиться на одни пятерки – только чтобы нарисованные родителями ужасы не сбылись.

Никогда не научусь

На самом деле, получается как-то иначе.

Я помню, как мама учила меня вязать лицевой гладью. У меня ничего не получалось, петли путались, кофта для куклы не получалась, я капризничала и вопила, что у меня ничего никогда не получится.

– Смотри, как хорошо получается, – говорила мама. – Вот, только спицу надо держать так, а петлю провязывать так.

– Я никогда в жизни этому не научусь, – бурчала я, провязывая петли все лучше и лучше. – Кто вообще придумал это дурацкое вязание!

– Да у тебя уже получается нормальная кофта, – смеялась мама.

– Да, но я все равно никогда не научусь вязать этой дурацкой гладью! – сопротивлялась я, хотя видела, что уже все получилось. Но я же не могла признать, что мама права, а я нет.

В общем, вязать я теперь умею. А вот со швейной машинкой не сложилось. У меня была прекрасная учительница домоводства, которая охотно сообщала мне всякий раз, откуда у меня растут руки. Она меня совершенно убедила, я от всей души поверила ей, что руки у меня растут именно оттуда, и теперь мне гораздо легче подшить целую штору растущими оттуда руками, чем прострочить один шов на машинке, хотя меня учили на ней шить с 5 по 8 класс, целых четыре года. Просто это обучение сопровождалось комментариями «кто так шьет» и «что ты тут напортачила».

Собственно, ни для кого не секрет, что научить так никого ничему нельзя. Я надумала в сорок лет научиться водить машину, и инструктор в автошколе мне с неподражаемой честностью сказал: учиться водить надо в восемнадцать лет, а в сорок ты уже ничему не научишься. «Что ты делаешь?» – «Куда прешь?» – «Жми на газ, я сказал!» – «ну кто так водит!» – «откуда ты такая взялась на мою голову?» Он ревел, как раненый бизон, я пугалась, плакала, теряла последние остатки самообладания и понимала, что я тупая, а вождение не для меня. Вместо того, к сожалению, чтобы с первого «ты» отказаться от его услуг. Естественно, я ничему у него не научилась. Научилась у другого – надо ли говорить, что он ни разу не повысил голоса. Профессионалу это не нужно.

Никому не нужна

Иногда результаты бывают еще печальнее. Одна немолодая дама рассказывала мне однажды, что так поверила маминому многолетнему «кто ж тебя такую замуж возьмет» (в самом деле – пол мести не умеет, кровать заправляет криво, посуду мыть не любит, кому такая нужна) – что поняла: принца ждать бессмысленно, надо хватать первого попавшегося. В 18 лет она второпях выскочила замуж за первого встречного – первого, кто вообще обратил на нее внимание, больше-то, может, уже и шанса не будет. Стоит ли говорить, что брак оказался отчаянно несчастливим.

Помню, как одна из наших учительниц в школе говорила: «Четырнадцать умножить на три – сколько будет? Умножайте столбиком, вы идиоты, вы в уме не сможете». Нет, я сейчас в состоянии умножить четырнадцать на три в уме, но всякий раз, слыша «вы идиоты», я не считала столбиком, а злилась. Мой сын, приходя из школы в седьмом классе, уныло говорил: «Мам, почему нам все время объясняют, что мы дураки, мы ничего не умеем, мы не сдадим ЕГЭ, не получим аттестата и пойдем в дворники? Я больше не могу это

слышать». Я тоже больше не могла этого слышать. Восьмой класс был уже в другой школе.

Вы идиоты, вы дураки, вы ничего не можете, кому вы такие нужны. Что ты тут стоишь, что ты тут сидишь, кто так веник держит, кто так ручку держит, кто так шьет, кто так пишет, чем ты думал, куда ты смотрел, что мне, скажи, с тобой таким делать?

Все это сыплется на головы наших детей ежедневно, год за годом. И даже если родители обладают ангельским характером, соломоновой мудростью и бескрайним терпением, дети все равно наслушаются от мира, что они в нем не нужны, не там стоят, не так сидят, не то делают – и вообще лучше бы их не было. В транспорте и во дворе, в школе и в музее, в магазине и на улице – детям не рады. Убери руки, не смей трогать, как ты себя ведешь, что ты тут встал, что ты тут делаешь, ну-ка идите отсюда, так, рты закрыли.

В некоторых странах мира детей, о странность, любят и очень им радуются – в кафе ли, на улице ли; помню, как странно было в Италии, где моему трехлетнему сыну радовались так, будто в кафе или магазин солнышко вкатилось; помню, как хозяйка магазина свадебных платьев в Хельсинки, услышав и поняв без перевода мой свирепый шепот «руками не трогай» – засмеялась и разрешила моей одиннадцатилетней дочери трогать руками все, что захочется.

В нашей стране дети получают от мира другую обратную связь – лучше бы тебя не было. Все равно ничего хорошего из тебя не получится. А обычно мы и сами в дурную минуту добавляем: что ты меня мучаешь, долго мне за тебя краснеть, хватит надо мной издеваться! – Зачем вы меня вообще родили, – бурчат дети, хлопая за собой дверь, и это вопрос не праздный.

Как хорошо быть взрослым! Никто не скажет тебе «где твои глаза были», когда ты обдерешь бампер, не спросит «голову ты дома не забыла», когда забудешь дома рабочий документ, не поднимет с кровати в первом часу ночи, чтобы заставить повесить в шкаф небрежно брошенное на стул платье. Повзрослев, мы не перестали делать глупости и оплошности – но нас теперь не дрючат за каждую из них.

Неуважаемый

Сын сказал однажды со вздохом: тринадцать лет – паршивый возраст: уже никто тебе не умиляется и никто еще не уважает.

Когда я была маленькой, детей вообще не принято было уважать. Право на уважение не давалось от рождения, его надо было заслужить, заработать, доказать, что ты достоин уважения. Детей полагалось исправлять. Подчеркивать красным, указывать на ошибки, одергивать, корректировать, исправлять. Лучшие педагоги уже тогда писали – покажите ребенку не где у него плохо, а где хорошо, где у него получается; этот передовой опыт так и остался невостребованным в массовой школе.

Когда я была молодой учительницей, всего на семь лет старше учеников, на меня однажды набросилась дежурная в школьном компьютерном классе: «Ну-ка быстро пошла разулась! Я кому сказала!» Она не хотела слушать, что туфли – это сменка, она перестала кричать только услышав «это же наша учительница». Она извинилась: «Ой, а я думала – девочка»... На девочку – можно.

В этой системе ценностей как-то фатально отсутствует базовое уважение человека к человеку – когда уважения достоин не только старейший, мудрейший, всего добившийся, а всякий – потому что он человек, он твой брат, он тоже Божье создание, в нем тоже образ Божий. Не только учительница, но и девочка. Не только депутат Госдумы, но и арестант. Идея уважать детей вообще плохо приживается на отечественной почве. Родители как-то не видят разницы между уважением и вседозволенностью, уважением и отсутствием границ. Одни негодуют – «что ж мне, в попу ему теперь дуть?», другие объясняют, что относятся с уважением к выбору своих детей, а потому пусть все подвинется и дадут ребенку терроризировать окружающих в свое удовольствие.

И с самоуважением тоже плохо. Знаю немало взрослых, умных, прекрасных, иногда очень успешных, – живущих с бесконечной уверенностью в том, что они ничтожества, моральные уроды, что им нельзя жить, что окружающие терпят их только через силу или из милости. Одни всю жизнь доказывают, что они имеют право на уважение, другие и так знают, что ничего не получится.

И, страшное скажу, – и с Богом отношения не складываются, потому что и в Нем видится все тот же вечно недовольный воспитатель: ну что, не молился, не постился? Весь год дурака валял, а сейчас пришел? Весь пост что делал – а сейчас опомнился? Ну и что ты ко мне пришел? Чего ты хочешь? Двойка, иди и подумай о своем поведении. Раньше надо было думать, а теперь все, поздно уже. Двойка в году, двойка в аттестат, на том свете дворником будешь.

Но нет.

Как-то не хочется заканчивать на этом.

Лучше так.

Мы не очень хорошие воспитатели обычно. У нас не хватает сил, мудрости и терпения. Мы не умеем справляться со своими эмоциями. Мы часто ведем себя как маленькие, а не как взрослые, – ожидая при этом от детей, что они поведут себя как взрослые, поймут нашу боль, смогут ее принять и вынести, посочувствовать нам – и вести себя мудро и правильно.

Некоторые дети справляются, но ноша эта тяжела – даже и для нас самих иногда.

Но мы любим своих детей и многое делаем правильно, потому что у любви есть поразительное свойство: она сама подсказывает правильные решения. Не знаешь, как делать, – делай по любви, не ошибешься.

И мы, несомненно, справимся. И получаться будет все лучше и лучше – и все получится, потому что надежда не обманывает, а любовь не подводит.

*По материалам интернет-печати, публикацию
подготовила педагог-
психолог Малышева Н.А.*